

Байманова Л.С.

**Тюркско-славяно-германские
контакты в диахронии:
культурно-языковая парадигма**

Закономерным следствием языковых контактов является заимствование – один из давних и естественных источников пополнения словарного состава языка. Заимствуя слова, мы заимствуем и предметы чужой культуры, определяя при этом их необходимость и значимость в нашей жизни. В данной статье речь идет о языковом и культурном взаимодействии тюркских, славянских и немецкого народов. Рассматриваются отдельные моменты адаптации заимствуемых единиц, в частности их грамматическое оформление и тематическая классификация.

Ключевые слова: языковое взаимодействие, культурный обмен, грамматическая адаптация заимствований.

Baimanova L.S.

**Turkic- Slavic- German contacts
in diachrony: cultural- paradigm
language**

The logical consequence of language contact is the borrowing – one of the oldest and natural sources of replenishment of the vocabulary of the language. Borrowing the words we borrow items and foreign culture, while identifying their need and importance in our lives.

This article deals with the language and cultural interaction of Turkic, Slavic and German peoples. We consider some moments borrowed adaptation of units, in particular, their grammatical form and thematic classification.

Key words: linguistic interaction, cultural exchange, adaptation of grammatical borrowing.

Байманова Л.С.

**Диахрониядағы Түркі-славян-
германдық байланыстар:
мәдени-тілдік парадигма**

Тіл байланысындағы кірме сөздердің логикалық заңдылықтары көне және тілдің сөздік құрамын табиғи толықтыру болып табылады. Кірме сөздерді ала отырып, біз басқа мәдениеттің негіздерін де қабылдаймыз, өйткені олар өмірімізде айтарлықтай қажет.

Бұл мақалада түркі, славян және герман халықтарының өзара тілдік және мәдени қарым қатынастары қарастырылған. Атап айтқанда, кірме сөздердің қалыптасуы, сонымен қатар олардың грамматикалық құрылымы және мәтіндік топтастырылуы бейнеленген.

Түйін сөздер: тілдік қарым-қатынас, мәдени алмасу, кірме сөздердің грамматикалық тұрғысынан бейімделуі.

**ТЮРКСКО-СЛАВЯНО-
ГЕРМАНСКИЕ КОНТАКТЫ
В ДИАХРОНИИ:
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ
ПАРАДИГМА**

Среди всех признаков этнической дифференциации человеческого сообщества и этнической идентификации личности важнейшими считаются язык и культура, причем некоторые ученые подчеркивают особое положение языка. Язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса [1, 19]. В истории человечества наблюдаются различные формы и пути взаимовлияния и взаимодействия языков, последствия которых разнообразны и значительны. В одних случаях они приводят к различного рода заимствованиям, в других – к образованию вспомогательных «общих» языков, в третьих – к языковой ассимиляции, которая часто является решающим стимулом развития языковой системы. «Языковые контакты» – это лишь созданная лингвистами метафора, пусть довольно удачная и широко распространенная в научной литературе. На самом деле возможны контакты не языков, а их носителей, поэтому в последнее время все чаще речь идет о межкультурных, а не языковых контактах [2, 11].

Страны Восточной Европы и Россия издавна привлекали внимание представителей немецкой науки. Главным исследовательским центром стал Берлин, где в 1841г. при университете была открыта кафедра по изучению славянских языков, и зародилось так называемое направление «остфоршунг». Немецкий термин «Ostforschung» означает в переводе буквально *востоковедение*. Однако здесь речь идет об изучении европейских стран, расположенных к востоку от Германии. Востоковедение же в широком смысле слова (изучение народов Азии и других, исторически связанных с ней, стран) принято обозначать в немецкоязычной науке термином «Orientalistik». Основоположником «остфоршунга» считают балтийского немца Теодора Шиманна, первого в Германии профессора по восточно-европейской истории. В конце 30-х годов прошлого века в Берлине был создан институт по исследованию России (Russland-Institut). В это же время параллельно создается Институт тюрко-татарской библиотеки, где выходит в свет периодическое издание «Тюркская библиотека», а также обрабатываются материалы четырех тюркоязычных газет «Кызыл Татарстан», «Кызыл Узбекистон», «Совет Туркменистаны» и азербайджанский «Коммунист», в центре внимания которых были тюркские народы Советского Союза [3, 21-46].

Как видим, взаимный интерес немцев, славян и тюрков имеет давние корни и богатую историю. На сегодняшний день в Казахстане русские и немцы представляют солидные этнические общины. Так, по данным Министерства статистики на 1 марта 2015 года доля русского этноса насчитывает – 21,8%, а немецкого – 1,1 %. Вследствие активной эмиграции на историческую родину количественный состав немецкого населения в республике Казахстан за последние десятилетия значительно сократился.

Что касается мультикультурной Германии, то крупнейшими странами по количеству мигрантов здесь являются Турция, Польша, Россия, Казахстан и некоторые другие. И как результат интенсивного взаимодействия различных этносов, в языке коренного населения Германии происходят неизбежные лингвистические изменения. Мигранты здесь не просто изучают немецкий язык, но и медленно влияют на его развитие. Известно, что в истории не было еще такого языка, который не претерпел бы изменений под влиянием языков мигрантов, отличающихся по уровню образования, длительности пребывания. Например, в устном бытовом общении молодых людей в Германии используются такие языковые формы, как «Türkendeutsch» («турецкий немецкий»), «Kanak Sprach» («канакский язык») или «Kiezdeutsch» («немецкий, характерный для определенного района»). Вопрос о положительном или отрицательном влиянии этих языковых форм на немецкий язык остается пока без определенного ответа. Например, мигрантам очень сложно использовать в соответствующем падеже определенный или неопределенный артикль, так как в славянских и тюркских языках артикли вообще отсутствуют. В этой связи немецкие лингвисты бьют тревогу, потому что подобные грамматические ошибки (путаница при использовании артиклей и падежей) и интенсивное смешение языков приводят к постепенной безграмотности коренного населения Германии.

Исследуя взаимодействие языков, мы, несомненно, исследуем и взаимодействие культур, так как содержание любой культуры познается через язык. По давней немецкой филологической традиции, слова, обозначающие хорошо известные объекты современной культуры (названия выращиваемых овощей, злаков, фруктов; предметов мебели, одежды, продуктов питания), пришедшие из самых отдаленных географических ареалов и цивилизаций вместе с обозначаемыми объектами, называют «культурными» – *Kulturwörter* [2, 19]. Подобные лексемы легко

проникли в немецкий и во многие другие европейские языки, так как обозначаемые ими предметы признаны достоянием всеобщей культуры. Конечно же, фонетический облик этих заимствований в разных языках может несколько видоизменяться, но их общая генетическая составляющая вполне очевидна.

Так, пласт тюркских заимствований является одним из генетических пластов в составе немецкой лексики. Неоднородные по семантике тюркизмы проникали в немецкий язык еще со времен печенего-куманского и гунно-аварского периодов и отражали самые разнообразные стороны жизни и деятельности человека. Наиболее многочисленными являются слова из области общественно-политической терминологии (*der Ataman, der Aga, der Pascha, der Sultan, der Dolmetscher, der Turko, der Jatagan, der Bairam, der Kalym, die Moschee, die Tulpe, das Karakulschaf, der Saxaul, der Barchan, der Altun, der Türkis, der Korsak, der Balyk, der Muezzin, das Aityssu, der Handschar* и т.д.) и артефакты (*der Raki, der Pilaw, der Schaschlyk, der Kefir, der Kebab, der Joghurt, das Halwa, der Kumys, der Baschlik, der Kalpak, die Tjubeteika, der Schirwan, der Arkan, das Sofa, der Kelim, die Jurte, der Aul, der Konak, der Kiosk, das Cafe*). Однако большая часть тюркизмов, зафиксированных в лексикографических источниках, не является общеупотребительной и не отражает культурный фон современной Германии. Эти слова известны, как правило, достаточно культурным и начитанным людям, но, в отличие от лексически освоенных заимствований, употребляются только в тех случаях, когда речь идет не о немецкой действительности, а о жизни тюркских народов, например: *der Aul, der Pilaw, der Kumys, das Sandschak, der Akyn*. Наиболее же освоенные заимствования так прочно ассимилировались в немецком языке, что их иноязычное происхождение сможет распознать только опытный лингвист. К примеру, заимствования *der Kefir, das Sofa, der Joghurt, der Kaffee* и другие приобрели соответствующие грамматические категории рода и числа, свойственные существительным немецкого языка.

Очевидным доказательством полного онемечивания является употребление тюркизмов в устойчивых фразеологических сочетаниях, поговорах и поговорках немецкого языка. Например, *vor j-m Dat. Gamaschen haben* – трястись от страха, труситься перед кем-либо [4, 511]; *für jemanden die Kastanien aus dem Feuer holen* – таскать для кого-то каштаны из огня [4, 700]; *wer ein Minarett stiehlt, hält eine (gute) Hülle bereit* –

перен. кто ворует минарет, тот роет себе могилу [4, 90].

Известно, что одним из основных показателей полной ассимиляции заимствований является словообразовательное освоение. Т.И.Арбекова к словообразовательно освоенным лексемам относит «слова, имеющие общую основу, с одинаковым лексическим и грамматическим значениями, но с различными синонимическими аффиксами или разными морфемами одного и того же аффикса» [5, 58]. Например, *der Dolmetsch – der Dolmetscher – die Dolmetscherei; der Balyk – der Baliktschi; das Cafe – der Cafetier – die Cafetiere; der Sultan – die Sultanine*.

Определенная степень освоенности заимствований позволяет носителям языка соединять их со знакомыми, родными словами [1, 243]. Так, словосложение в немецком языке является одним из распространенных способов словообразования. Едва ли какой-нибудь другой язык сможет похвастаться таким количеством сложных существительных, когда одна часть представлена исконно немецким словом, а вторая – заимствованием, или когда обе части заимствованы из разных языков, например: *das Kaffeehaus: Kaffee-arab.-türk.* [6, 343], *Haus-dt.*; *der Morgenkaffee: Kaffee-türk.* [6, 343], *Morgen-dt.*; *die Kaffeepause: Kaffee-türk.* [6, 343], *Pause-roman.* [6, 531]; *das Betashar-Ritual: Betashar-türk., Ritual-lat.* [6, 633], *die Sofagarnitur (Sofa-arab.-franz.* [6, 667], *Garnitur-franz.)*[6, 242] и другие.

При знакомстве с другим языком мы входим в мир другой культуры, освоив чужой язык, мы получаем инструмент для получения знаний, хранящихся в чужой культуре [7, 610]. Славяно-германские контакты происходили во множестве областей – от балтийского моря до восточных Альп, от территорий западнее Заале до восточной стороны Вислы. Славянские лексемы составляют одну из солидных групп заимствований, проникших в немецкий язык в разные исторические периоды и проявившихся в сочетании различных атрибутов духовной и материальной культуры немецкого и славянских народов. Такие славянизмы, как *der Borschtsch, die Balalaika, der Gopak, der Muschik, die Gorodki, der Burlak, der Kosak* (казак), *der Kulak, der Kwaß, der Suchowei, die Naliwka, die Okroschka, die Gusli, der Pope* (поп), *der Sobor, das Tscharka, der Tscherwonez, der Owrag, die Uschki, die Wareniki, die Watruschki, der Wodka, die Troika, die Uschanka, die Papirossa* и другие наглядно демонстрируют, с одной стороны, несовпадение «культурного компонента», национально-спе-

цифических сем и, с другой, общность семантической темы таких сопоставляемых понятий, как наименования продуктов питания, предметов одежды, быта и т.д.

Отдельную группу славянизмов в немецком языке представляют реликтовые, т.е. устаревшие, несовременные заимствования. Подобные слова, когда-то успешно используемые и зафиксированные в старинных немецких источниках, позже вышли из активного употребления. К ним, например, следует отнести лексемы: нем. *Nusche* – «плохой нож» – сербско-луж., рус. «нож»; нем. *Plinse* – «тонкий блин» – верхне-серб.-луж. «blinc», рус. «блин»; нем. *Trubauen* – «трубить» – нижне-серб.-луж. «ts'ubis'», рус. «трубить»; нем. *Bemme*, ранее *Pomme* – от «Pommche», а последнее от «Pomska» – «помазанный маслом хлеб» – возможно от верхне-серб.-луж. «pomazka», рус. «помазать»; нем. *Lusche* – «лужа» – сербско-луж., рус. «лужа»; нем. *Preiselbeere* – «брусника» – верхне-серб. «bruslica», рус. «брусника», от «brusiti» – «окрашивать, стирать»; ср. нем. *Streichbeere* в том же смысле (дословно – «окрашивающая ягода»); нем. *Schwiet* – «лубок, лён» – нижне-серб.-луж. «switk», рус. «вить».; нем. *Nerz, Nörz, Norz* – «норка, или её мех» – верхне-серб.-луж. «norc», рус. «норица», церковно-слав. «пърети» – «нырять»; нем. *Peitzker, Peisker* – серб.-луж. «piskor», рус. «пескарь», чешское «piskati»-«свистеть»; нем. *Moch* – «мох» – сербско-луж., рус. «мох»; нем. *Kausch* – «обрезано, обрублено» – нижне-серб.-луж. «kusu», русское «кусать»; нем. *Krinitz, Grünitz* – «клёст» – старопольс. «krzywonos», верхне-серб.-луж. «kriwonosak»; нем. *Halunke*, ранее *Holunke* – «мошенник, негодяй» – возможное от верхне-серб.-луж. «holank», уменьшит. форма от «holan» («житель голой местности»), верхне-серб.-луж. «hola» – «голый», рус. «голый» и другие.

В процессе взаимодействия контактирующих языков иноязычные слова начинают постепенно подчиняться законам чужой языковой системы, и в первую очередь – грамматике. Как свидетельствуют данные исследований и словарей, большинство заимствований из славянских языков представлено именами существительными, называющими конкретные предметы и явления (*die Kibitka, das Mammut, das Semstwo, der Kulak*), гораздо реже заимствуются прилагательные (*bolschewikisch, juchten, prosowjetisch, sklawisch*) и глаголы (*slawisieren, knuten, jarowisieren, quarzen*).

Оформление категории рода у заимствованных существительных происходит в соответс-

твии с двумя принципами немецкого языка: 1) чаще всего сохраняется грамматический род языка – источника: *die Balalaika(f), der Ataman(m), die Kopeke(f), der Omul (m)*; 2) в редких случаях проводится семантическая или словообразовательная аналогия с немецкими эквивалентами. Например, заимствования, оканчивающиеся на суффиксы -ag, -eug, -er, -og относятся к мужскому роду (*der Bojar, der Prokuror, der Sobor, der Tabor, der Zar*), а женский род славянизмов определяется конечными -е или -а (*die Arrende, die Babuschka, die Steppe, die Britschka, die Isba, die Koleda*), реже -schaft (*Petschaft* от слав. 'печать', 'штамп' или 'кольцо с выгравированным именем' и т.п.). Однородны в своем грамматическом оформлении заимствованные глаголы, характеризующиеся в форме инфинитива наличием компонента *-ieren*, например: *bolschewisieren, jarowisieren, slawisieren u m.đ.*

Также в отдельную группу можно выделить славянизмы, отражающие, в основном, специфи-

ку советской жизни: *der Bolschewik, Mitglied der Kommunistischen Partei der ehemaliges Sovjetunion* (большевик, член коммунистической партии бывшего СССР); *der Bolschewismus, Herrschaft der Bolschewiken* (большевизм, господство большевиков); *der Kolchos, landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft in Sozialismus* (колхоз, коллективное хозяйство); *der Komsomol, kommunistische Jugendorganisation* (комсомол); *der Komsomolze, Mitglied des Komsomols* (комсомолец); *der Leninist, Anhänger des Leninismus* (сторонник ленинизма, ленинец); *der Samisdat, selbstgeschriebene oder selbstgedruckte illegale Bücher* (самиздат, нелегально изготавливаемые в домашних условиях публикации) и другие.

Эти примеры неоспоримо свидетельствуют о том, что именно лексика, будучи самой изменчивой частью языка, осуществляет «связь времен» и как следствие межнациональных контактов наиболее полно отражает особенности языкового развития.

Литература

- 1 Сабитова З.К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 318 с.
- 2 Байманова Л.С. Тюркизмы в лексической системе немецкого языка. – Кокшетау, 2010. – 171 с.
- 3 Гатин М. Немецкие историки о Золотой Орде. Проблемы истории Улуса Джучи и поздnezолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX-XX вв. – Казань: Татар. кн. изд.-во, 2011. – С. 21-46.
- 4 Das große deutsch-russische Wörterbuch. Herausgegeben von Prof. Dr.Sc.Phil. O.I. Moscalskaja. – М., 2002. – 1440 с.
- 5 Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практич. курс). – М.: Высшая школа, 177. – С. 58.
- 6 Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung. – Leonberg: Garant Verlag GmbH, 2007. – 752 S.
- 7 Уфимцева Н.В. Психоллингвистика и межкультурная коммуникация // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. – Варна, 17-23 сентября 2007 г. – Т. 4. – Язык, сознание, личность. – Sofia: Heron press, 2007. – С. 610.

References

- 1 Sabitova Z.K. Proshloe v nastoyashhem. Russko-tyurkskie kulturnye i yazykovye kontakty. – Almaty: Қазақ universiteti, 2007. – 318 s.
- 2 Bajmanova L.S. Tyurkizmy v leksicheskoy sisteme nemeckogo yazyka. – Kokshetau, 2010. – 171 s.
- 3 Gatin M. Nemeckie istoriki o Zolotoj Orde. Problemy istorii Ulusa Dzhuchi i pozdnezolotoordynskix gosudarstv Vostochnoj Evropy v nemeckoj istoriografii XIX-XX vv. – Kazan: Tatar. kn. izd.-vo, 2011. – S. 21-46.
- 4 Das große deutsch-russische Wörterbuch. Herausgegeben von Prof. Dr.Sc.Phil. O.I. Moscalskaja. – М., 2002. – 1440 s.
- 5 Arbekova T.I. Leksikologiya anglijskogo yazyka (praktich. kurs). – М.: Vysshaya shkola, 177. – S. 58.
- 6 Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung. – Leonberg: Garant Verlag GmbH, 2007. – 752 S.
- 7 Ufimceva N.V. Psixoliingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire: Materialy XI Kongressa MAPRYaL. – Varna, 17-23 sentyabrya 2007 g. – Т. 4. – Yazyk, soznanie, lichnost. – Sofia: Heron press, 2007. – S. 610.